

Андрей
ДЕМЕНТЬЕВ

— — — — —
Избранное

Андрей Дмитриевич Дементьев

Избранное

Серия «Золотая серия поэзии (Эксмо)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=9024315

Избранное/ Андрей Дементьев: Эксмо; Москва; 2012

ISBN 978-5-699-26818-4

Аннотация

«Избранное» Андрея Дементьева – поэтический документ времени, в котором он живет вместе со своими читателями. Его лирические произведения – это эпоха, отраженная через душу поэта, через его муки, радости, сомнения и надежды.

Содержание

От автора	9
Я родился на Волге...	12
«Я родился на Волге...»	14
«Военное детство. Простуженный класс...»	16
Волга	18
«Мне приснился мой старший брат...»	19
«Я помню первый день войны...»	21
Утро победы в калинине	22
Баллада о матери	24
«Люблю пейзаж проселочных дорог...»	26
Мой хлеб	27
«Когда я долго дома не бываю...»	29
Торжокские золотошвеи	31
«Срывают отчий дом...»	33
Отец	35
«В актовом зале литинститута...»	37
«Нас остается все меньше...»	38
Тверской пейзаж	39
Калязинская колокольня	41
Хлеб	42
«Где-то около Бреста...»	44
Дочь	46
«Я возвращаюсь улицей детства...»	48

Русь	50
Сыновья	51
«Ты ставишь на видное место цветы...»	52
«Я – в гостинице...»	54
Черный ворон	55
Дочери	57
«Мне кажется, что всё еще вернется...»	59
«Под Новый год, когда зажглась звезда...»	61
«Как все на свете мамы – перед сном...»	63
«Ничего не вернешь...»	65
Памяти мамы	66
«Чужому успеху завидовать грех...»	68
«– Ну что ты плачешь, медсестра?...»	69
Сыну	72
«Идут дожди, идут дожди...»	73
«Я разных людей встречал...»	75
«Трамвай через шумный город...»	76
«Я хотел бы вернуться в юность...»	78
Жизнь моя – то долги, то потери...	80
«Жизнь моя – то долги, то потери...»	82
«Как важно вовремя успеть...»	84
«Не замечаем, как уходят годы...»	85
«Как руки у Вас красивы!...»	86
«Когда я возвращаюсь в Тверь...»	88
Россия	89
«Стихи читают молодые...»	91

«Я живу открыто...»	92
«Отец, расскажи мне о прошлой войне...»	94
«Не могу уйти из прошлого...»	95
Из биографии	96
Несказанные слова	98
«Я одинокий волк...»	99
«Мне всегда бывает грустно...»	100
«Как-то мне приснился серый сокол...»	102
«Дарю свои книги знакомым...»	103
«Какая поздняя весна!...»	104
Счастливчик	106
Люблю	108
«Мне приснился Президент...»	110
Тишина	111
«Поэта решили сделать начальством...»	113
«Хороших людей много меньше...»	114
Раздумье	115
«Платон придумал Атлантиду...»	116
«Везли по улицам Москвы...»	117
«После всех неистовых оваций...»	118
Родной язык	120
«Поменяв российский беспредел...»	121
Не смейте забывать учителей	122
Прощеное воскресенье	124
Характер	125
«Жизнь во власти пяти планет...»	126

«Держава застолий...»	127
«В ясную погоду «Юности» моей...»	129
«Учителей своих не позабуду...»	131
«Это правда...»	132
«Живу не так, как бы хотелось...»	133
«Пока я всем «услуживал»...»	134
«Я во сне не летаю...»	136
«Сколько спотыкался я и падал...»	138
Вся грусть земли поручена стихам...	140
«Вся грусть земли поручена стихам...»	141
Конец ознакомительного фрагмента.	143

Андрей Дементьев

Избранное

© А. Дементьев, 2012

© ООО «Издательство «ЭКСМО», 2012

*** * ***

От автора

Эту книгу я составлял не как «Избранное» в привычном его понимании, а как поэтический документ времени, в котором я жил и живу вместе со своими читателями – старыми и молодыми, вместе со страной, много перенесшей за эти годы. Стихи, написанные в далекие и уже ушедшие времена, дороги мне прежде всего потому, что они хранят атмосферу тех лет и наши общие настроения.

По моему глубокому убеждению, лирика тоже может быть гражданским свидетельством эпохи, отраженной через душу поэта, через его личные муки и радости, сомнения и надежды. Ныне стало модным отрицать или охаивать все, что происходило когда-то с нами. Особенно стараются те, кто не знает ни того времени, ни его промахов и взлетов, ни его потерь и завоеваний. К сожалению, необразованность многих «новых русских» и пришедших к власти бизнесменов смещает акценты духовности и культуры в сторону хлесткого китча, в область вседозволенной пошлости и примитива. Не случайно на отечественном телеэкране можно узреть передачу с провокационным названием «Пушкин безнадежно устарел» или выслушивать амбициозные выкрики о том, что Петр Первый погубил Россию. Кто действительно губит Россию, так это как раз те самые ниспровергатели великой российской культуры, которая оказалась им не по зубам, потому

что в свои юные годы и позже они не прочли мудрых книг, что делают человека человеком, а не авоськой, набитой глупостью и высокомерием. Те же, кто сознательно провоцирует общественное мнение, зная истинную цену нашей истории и высоким завоеваниям искусства и литературы, ибо достаточно грамотны и начитанны, те совершают двойной грех перед страной, перед ее будущим и особенно перед молодежью, которая легко может принять провокацию за истину.

Сейчас, слава богу, многое меняется. Многолюдие в книжных магазинах, переполненные залы на поэтических вечерах, интерес к прошлому и неприятие насилия и порноликования на телеэкранах – всегда было и остается нравственной нормой интеллигентных граждан России. Хочу напомнить, что Великая Римская империя рухнула именно из-за пресыщенности. Разврат, жестокость и вседозволенность погубили ее будущее, ибо общество не может существовать на зловонных пустотах. Россия понемногу справляется с напастями, с отчаянием и гнетом денежных мешков, куда рыночные умельцы безуспешно хотели запихать всю страну, предварительно переплавив ее богатства в личные золотые слитки.

Но вернемся к поэзии и к этой книге, которую я представляю на ваш суд, дорогие читатели. Не могу не признаться, как мне радостно от того, что отечественная поэзия востребована в это непростое и противоречивое время. За последние два-три года тиражи и моих книг невероятно возросли.

Вышло двадцать семь изданий общим тиражом более двухсот тысяч экземпляров. Только в советские времена, когда книготорговая сеть работала слаженно и результативно, а все любители поэзии имели *материальную* возможность покупать книги, был подобный спрос на стихи, какой ощущается сейчас. Видимо, люди устали от насилия, стрельбы, от детективных историй и сусальных сериалов. «Душа обязана трудиться и день и ночь...» – сказал великий русский интеллигент Николай Заболоцкий.

И этот труд, связанный с подлинной литературой и с ее самой таинственной и незащищенной областью – поэзией, – приносит не только радость, но и совершенствует человеческую натуру. В последние месяцы я написал много новых стихов, некоторую часть которых включил в эту книгу. И, хотя «Избранное» предполагает уже отмеченные временем произведения, я все-таки рискнул предложить вашему вниманию и новые стихи, ибо они о нашей жизни, которая в любом своем периоде всегда была для меня «избранной».

Андрей Дементьев

Я родился на Волге...

*Я родился на Волге,
Где в погожие дни
Нас баюкали волны
И будили они.*

«Я родился на Волге...»

Я родился на Волге,
Где в погожие дни
Нас баюкали волны
И будили они.
Я вставал на рассвете,
Лодку брал и – айда!
Только Волга да ветер,
Может, знали куда.

Выходил, где хотелось.
Шел созвездьями трав.
Падал в мяту и вереск,
От восторга устав.
Слушал утренний гомон
И вечернюю тишь.
Лес глядел в сотни окон
Из-под зелени крыш.
Я любил его очень
За приветливый нрав,
За бессонницу сосен
И безмолвие трав.

...С той поры миновало
Столько лет, столько зим.
Как ни в чем не бывало,

Мы встречаемся с ним.
Он по-майски наряден,
Что гостям по душе.
И стучит тот же дятел
На своем этаже.
Узнаю эти тропы,
Тихий шепот осин,
И стволы высшей пробы,
И бездонную синь.

1964–2004

«Военное детство. Простуженный класс...»

Военное детство. Простуженный класс.
Уроки негромкие, словно поминки.
И булочки с чаем, как праздник для нас
И довоенные в книгах картинки.

Никто не прогуливал школу в тот год.
За это директор души в нас не чаял.
Мы были прилежны от горьких невзгод
Да, может, от булочек с жиденьким чаем.

Весной мы ходили копать огород,
Картошку сажали на школьном участке,
Чтоб как-то от голода выжить в тот год.
Но стали налеты на город все чаще.

Военное детство – потери и боль.
Уроки терпенья, уроки надежды.
Разрушенный бомбой забытый собор.
Примерка на вырост отцовской одежды.

И первая смерть... Брат погиб под Орлом.
И первые слезы, и пропуск уроков.
Но горе осилил наш старенький дом,

Когда постучались ребята к нам робко.
И робко расселись – среди фото и слов...
Да только ничто не исправишь словами.
И выложил класс из бумажных кульков
Заветные булочки плачущей маме...

2004

Волга

А я без Волги просто не могу.
Как хорошо малиновою ранью
Прийти и посидеть на берегу,
И помолчать вблизи ее молчанья.

Она меня радушно принимает.
С чем ни приду – с обидой иль бедой.
И все она, наверно, понимает,
Коль грусть моя уносится с водой.

Как будто бы расслабленная ленью,
Течет река без шума и волны.
Но я-то знаю, сколько в ней волненья
И сколько сил в глубинах тишины.

Она своих трудов не замечает.
Суда качает и ломает лед.
И ничего зазря не обещает.
И ничего легко не отдает...

1966

«Мне приснился мой старший брат...»

Мне приснился мой старший брат,
Что с войны не пришел назад.
Мне приснилось, что он вернулся –

Невредимый и молодой.
Маме радостно улыбнулся:
– Я проездом... А завтра в бой. –

Мать уткнулась ему в ладони...
– Что ты, мама! Ну, как вы здесь? –
По глазам угадав, что в доме
Хлеба нету, да горе есть.

– Угостить тебя даже нечем.
Если б знать – я сменяла б шаль... –
– Что ты! Разве я шел за этим?! –
– Не за этим... А все же жаль,
Что вот так я встречаю сына. –

Брат достал фронтовой паек,
На две равные половины
Поделил он его, как мог.
– Это вам... –

И, взглянув на брата,
Я набросился на еду.
– А теперь мне пора обратно.
А теперь я ТУДА пойду.
Завтра утром нам всем в атаку.
В ту, последнюю для меня... –

И тогда я во сне заплакал,
Не укрыв его от огня.

1960

«Я помню первый день войны...»

Я помню первый день войны...

И страх, и лай зениток.

И об отце скупые сны –

Живом, а не убитом.

Война ворвалась стоном – «Жди...»

В бессонницу солдаток.

Еще все было впереди –

И горе, и расплата.

А ныне добрая земля

Покрыта обелисками.

Война кончалась для меня

Слезами материнскими.

И возвращением отца.

И первым сытным ужином...

Но до сих пор ей нет конца

В душе моей контуженой.

1965

Утро победы в калинине

Весть о Победе разнеслась мгновенно...
Среди улыбок, радости и слез
Оркестр Академии военной
Ее по шумным улицам понес.

И мы, мальчишки, ринулись за ним –
Босое войско в одежонке драной.
Плыла труба на солнце, словно нимб,
Над головой седого оркестранта.

Гремел по переулкам марш победный,
И город от волненья обмирал.
И даже Колька, озорник отпетый,
В то утро никого не задира.

Мы шли по улицам, родным и бедным,
Как на вокзал,
Чтобы отцов встречать.
И свет скользил по нашим лицам бледным.
И чья-то громко зарыдала мать.

А Колька, друг мой,
Радостно и робко
Проходим улыбался во весь рот,
Не зная, что назавтра похоронка

С войны минувшей на отца придет.

1973

Баллада о матери

Постарела мать за двадцать лет.
А вестей от сына нет и нет.

Но она все продолжает ждать.
Потому что верит. Потому что мать.

И на что надеется она?
Много лет, как кончилась война.

Много лет, как все пришли назад.
Кроме мертвых, что в земле лежат.

Сколько их в то дальнее село,
Мальчиков безусых, не пришло.

Раз в село прислали по весне
Фильм документальный о войне.

Все пришли в кино – и стар, и мал.
Кто познал войну и кто не знал.

Перед горькой памятью людской
Разливалась ненависть рекой.

Трудно было это вспоминать.

Вдруг с экрана сын взглянул на мать.
Мать узнала сына в тот же миг.
И пронесся материнский крик:

– Алексей, Алешенька! Сынок... –
Словно сын ее услышать мог.

Он рванулся из траншеи в бой.
Встала мать прикрыть его собой.

Все боялась – вдруг он упадет.
Но сквозь годы мчался сын вперед.

– Алексей! – кричали земляки. –
– Алексей, – просили, – добеги...

Кадр сменился. Сын остался жить.
Просит мать о сыне повторить.

И опять в атаку он бежит.
Жив-здоров, не ранен, не убит.

Дома все ей чудилось кино.
Все ждала – вот-вот сейчас в окно

Посреди тревожной тишины
Постучится сын ее с войны.

«Люблю пейзаж проселочных дорог...»

Люблю пейзаж проселочных дорог
С их живописными изгибами,
С белесой пылью из-под ног...

Как жаль – всему приходит срок –
Проселки под асфальтом сгинули.

Но если вдруг в чужой стране
Я натыкаюсь на проселок,
Вновь возвращается ко мне
Былая память дней веселых –
С тверской рыбалкой поутру,
Но чаще все ж – с грибным скитаньем.
И с благодарностью костру,
Когда гроза в лесу застанет...

Люблю пейзаж проселочных дорог.
Как жаль – всему отпущен срок.

1999

Мой хлеб

*Тверской областной библиотеке имени
А. М. Горького*

Я с книгой породнился в дни войны.
О, как же было то родство печально!
Стянув потуже бацькины штаны,
Я убегал от голода
В читальню.

Читальня помещалась в старом доме.
В ту пору был он вечерами слеп...
Знакомая усталая мадонна
Снимала с полки книгу,
Словно хлеб.

И подавала мне ее с улыбкой.
И, видно, этим счастлива была.
А я настороженною улиткой
Прилаживался к краешку стола.

И серый зал
С печальными огнями
Вмиг уплывал...
И всё казалось сном.
Хотя мне книги хлеб не заменяли,

Но помогали забывать о нем.
Мне встречи те
Запомнятся надолго...
И ныне –
В дни успехов иль невзгод –
Я снова здесь,
И юная мадонна
Насущный хлеб
Мне с полки подает.

1965

«Когда я долго дома не бываю...»

Когда я долго дома не бываю,
То снится мне один и тот же сон:
Я в доме нашем ставни открываю,
Хотя давно живет без ставен он.

Но всё равно я открываю ставни,
Распахиваю окна на рассвет.
Потом, во сне же, по привычке давней
Я рву жасмин и в дом несу букет.

Отец не доверяет мне жасмина
И ветви все подравнивает сам.
И входит мама.
Говорит: «Как мило...»,
Цветы подносит к радостным глазам.

А после ставит тот букет пахучий
В кувшин, который я давно разбил.
И просыпаюсь я на всякий случай,
Поскольку раз уже наказан был.

И всё меня в то утро беспокоит,
Спешат тревоги вновь со всех сторон.
И успокоить может только поезд,
Что много раз разгадывал мой сон.

1977

Торжокские золотошвеи

Смотрела крепостная мастерица
На вышитую родину свою...
То ль серебро, то ль золото искрится,
То ли струятся слезы по шитью.

И лишь ночами вспоминала грустно,
Что жизнь ее ни в чем не берегла...
Откуда же пришло твое искусство?
Чьим колдовством помечена игла?

А было так... Проснувшись на печи,
Она по-детски улыбнулась солнцу,
Когда сквозь закопченное оконце
Пробились к ней весенние лучи.

Как нити золотые – всю избу
Они прошили радостным узором.
Она смотрела воскрешенным взором
И утро принимала за судьбу.

Все в ней дрожало, волновалось, пело.
И белый свет – как россыпи огней.
Она к оконцу оглушенно села...
И вот тогда пришло искусство к ней.
Пришло от солнца, от любви...

Оттуда,
Где ей открылась бездна красоты.
Она в иголку вдела это чудо,
Ниспосланное Небом с высоты.

И не было на ярмарке товара
Искусней, чем торжокское шитье.
Она надежду людям вышивала,
И слезы, и отчаянье свое...

1996

«Срывают отчий дом...»

Срывают отчий дом.
Как будто душу рушат.
Всё прошлое – на слом.
Прощаемся с минувшим.

Прощаемся с собой.
Ведь столько лет послушно,
Как маленький собор,
Хранил он наши души!

Всю жизнь мы жили в нем,
Беду и радость знали.
Охвачены огнем
Мои воспоминанья.

Как жаль, что довелось
Дожить до дня такого...
Отец не прячет слез.
Застряло в горле слово.

И дом в последний раз
Глядит на всех незряче.
То ли жалеет нас,
То ль о минувшем плачет.

Отец

Отец мой сдает.
И тревожная старость
Уже начинает справлять торжество.
От силы былой так немного осталось.

Я с грустью смотрю на отца своего.

И прячу печаль, и смеюсь беззаботно,
Стараясь внезапно не выдать себя...
Он, словно поняв, поднимается бодро,
Как позднее солнце в конце октября.

Мы долгие годы в разлуке с ним были.
Пытались друг друга понять до конца.
Года, как тяжелые камни, побили
Веселое, доброе сердце отца.

Когда он идет по знакомой дороге,
И я выхожу, чтобы встретить его,
То сердце сжимается в поздней тревоге.

Уйдет...

И уже впереди никого.

1975

«В актовом зале литинститута...»

*От студенческих общежитий до бессмертья –
рукой подать.*

М. Светлов

В актовом зале литинститута
Мы сдаем экзамены на самих себя.
Винокуров Женя, как юный Будда,
В кресле притих, листки теребя.

Здесь вся будущая литература –
Трифонов, Друнина, Соколов...
Смотрят классики то светло, то хмуро
На тех, кто их потеснить готов.

Мы получим с годами свои литпремии
За книги, за искренность и войну.
И останемся в том героическом времени,
Которое нам поставят в вину.

2003

«Нас остается все меньше...»

Нас остается все меньше –
Сверстников прошлых побед.
С фронта со славой пришедших
В будни надежды и бед.

Нас остается все меньше –
Сверстников давних невзгод.
Добрых, выносливых женщин,
Живших в нужде на измот.

Мы ни о чем не жалеем.
Мы – поколение войны.
Над клеветой и елеем
Судьбы вознесены.

Чтобы доверьем минувшим
Не обманули страну,
Наши солдатские души
Снова идут на войну.

2004

Тверской пейзаж

Я люблю апрельские рассветы.
Над округой – праздник тишины.
Старый дуб навесил эполеты
И река полна голубизны.

Здравствуй, день!
Побудь еще со мною.
Воздух льется в душу, как бальзам.
Этот свет и волшебство лесное
Расплескались по твоим глазам.

Скоро вновь сирень раскроет завязь
И поднимет голубой букет.
Я опять тебе в любви признаюсь,
Словно не промчалось столько лет.

Словно я тебя вчера увидел,
Увидал нежданно в первый раз.
Ты надела свой весенний свитер
Цвета неба, цвета грустных глаз.

Ты сейчас, как девочка, прелестна
В искренней наивности своей.
Лес расставил на поляне кресла –
Модную округлость тополей.

Я люблю апрельские рассветы.
Я люблю их – если рядом ты.
Тих наш лес, как в кризисе поэты.
И красив, как в праздники менты.

2003

Калязинская колокольня

Калязинская колокольня
Стоит причудливо в реке.
И всякий раз я жду невольно –
Зайдется колокол в тоске.

А по ночам над тихой Волгой
Восходит музыка ее.
И принимают молча волны
Тот звон в безмолвие свое.

Вновь оживает колокольня.
И слышу я в тиши ночной,
Что кто-то радостью и болью
Тревожно делится со мной.

В протяжном гуле колокольни
Мне слышен зов былых веков:
И песня пахаря на поле,
И стон идущих бурлаков.

1973

Хлеб

Трудно родится хлеб.
Трудно хлеб достается.
Тот, кто душою слеп,
Может быть, усмехнется.

И поохмтит над тем,
Как я, с достатком в доме,
Хлеб суеверно ем,
Крошки собрав в ладони.

Это живет во мне
Память о той войне...

Горькие времена!
Худенький мальчик, где ж ты?
В сутки – лишь горсть зерна,
Триста граммов надежды.

Бабушка нам пекла
Хлеб из скупой мучицы.
Жизнь,
Что давно прошла,
В сердце мое стучится.

Хлеб нас от смерти спас.

Он и сейчас бессмертен...
Всё настоящее в нас
Этою мерой мерьте.

1982

«Где-то около Бреста...»

Где-то около Бреста
Вдруг вошла к нам в вагон
Невеселая песня
Военных времен.

Шла она по проходу –
И тиха, и грустна.
Сколько было народу, –
Всех смутила она.

Подняла с полок женщин.
Растревожила сны.
Вспомнив всех не пришедших
С той последней войны.

Как беде своей давней,
Мы смотрели ей вслед.
И пылали слова в ней,
Как июньский рассвет.

Песня вновь воскрешала
То, что было давно.
Что ни старым, ни малым
Позабыть не дано.

И прощалась поклоном.
Затихала вдали.
А сердца по вагонам
Все за песнею шли.

1963

Дочь

Новый год стучался веткой ели
В дом, где тяжело заболела дочь.
Мы с тобой уже какую ночь
Не отходим от ее постели.

А в углу игрушки в полном сборе
Тихо ждут Маринкиных забав.
Девочка, уставшая от боли,
Жарко спит, ручонки разбросав.

В этот миг нет ничего дороже
Повзрослевших, молчаливых глаз.
Доктор утешает нас как может,
И в душе тревожится за нас.

А когда болезнь вдруг уступила,
Дочка этой радости в ответ
Так нам улыбнулась через силу,
Словно мы не виделись сто лет.

Поманила нас к себе неслышно.
Я присел неловко на кровать...
Мама встала и на кухню вышла,
Чтобы дочке слез не показать.

1955

«Я возвращаюсь улицей детства...»

Я возвращаюсь улицей детства
В город по имени Тверь.
И вершится в душе моей действо,
Чтоб в былое открылась дверь.

– Здравствуй, мама! Как ты красива –
Ни морщинок, ни седины... –
И глядит на меня Россия
Фотографией со стены.

Это я подарил когда-то
Свой наивный тверской пейзаж.
Мать торопится виновато
Стол украсить на праздник наш.

Батя режет тугое сало.
Белое, как за окном мороз.
– Баба Сима тебе прислала,
Чтоб здоровым и сильным рос. –

На столе довоенный чайник
И крахмальная белизна...

Как мне горестно и печально
Сознавать нереальность сна.

Русь

Я – русский.
Я из той породы,
Чья кровь смешалась
С небом и травой.
Чьи прадеды в зеленый храм
Природы
Входили с непокрытой головой.

И молча били низкие поклоны
Клочку земли –
В страду и в недород.
Им Русь казалась горькой и соленой,
Как слезы жен
Или над бровью пот.

Всё помнит Русь –
И звоны стрел каленых,
И отсветы пожаров на снегу...
Мы входим в жизнь
Открыто и влюбленно.
Уйдем –
Оставшись перед ней в долгу.

СЫНОВЬЯ

Наивные акселераты,
Смешные наши малыши!
Они, наверно, втайне рады,
Что батек в росте обошли.

Мы были в их года пожиже –
Война, разруха, недород.
Тогда нам впору было б выжить
От тех харчей, от тех невзгод.

Смотрю на сына – и пугаюсь:
Что ждет их в этом мире гроз?
Он так доверчив, словно аист,
Что нам с тобой его принес.

1983

«Ты ставишь на видное место цветы...»

Ты ставишь на видное место цветы,
Но что-то мне грустно от их красоты.
Как будто ты их принесла из прошлого,
Из юности нашей, из той суеты,
Где было все радостно и бестолково.

Нам было тогда на двоих сорок лет.
А может быть, меньше чуть-чуть,
Я не помню.
...Мой поезд пришел из Твери
Только в полночь.
И первое, что я увидел, – букет.
Веселый, огромный – из белых гвоздик.
И так тебе шло это белое пламя,
Что даже перрон от восторга затих...

...А кончилось все,
Словно в чеховской драме –
Расстались влюбленные,
Вырублен сад...
Когда я смотрю на гвоздики чужие,
Я вижу сквозь них
Твой восторженный взгляд.

И думаю –
Как же красиво мы жили!

2002

«Я – в гостинице...»

Я – в гостинице.

А за окнами

По-осеннему грустный вид.

Бродит осень лугами мокрыми,

Заморозить их норовит.

Я печально смотрю на берег,

На крутой его поворот.

Словно где-то мой дом затерян.

И всё ждет он меня.

Всё ждет.

Словно юность моя осталась

На холодном на волжском дне.

И спокойная,

Будто старость,

Волга зябко течет по мне.

1956

Черный ворон

*Этот злоециий фургон, прозванный в народе
«черным вороном», однажды остановился у нашего
дома и увез моего отца.*

Старели женщины до срока,
Когда в ночи
Он отъезжал от темных окон
И угрожал: «МОЛЧИ...»

И мы молчали, друзей стыдились,
Хотя не знали их вины.
А где-то стреляные гильзы
Им счет вели.

О «черный ворон», «черный ворон»!
Ты был внезапен, как испуг.
И просыпался целый город
На каждый стук.

Не видя слёз, забыв про жалость,
Свой суд творя,
Ты уезжал... Но оставалась,
Но оставалась тень твоя.

На доме том, где ночью побыл,

На чистом имени жены
Того, чей час неожиданно пробил,
Час не дождавшейся вины.

На снах детей, на тыщах судеб,
На всей стране.
Как трудно было честным людям
Жить с тенью той наедине!

И закрывались глухо двери
Перед добром.
И люди разучились верить
Сперва себе. Ему – потом.

О «черный ворон», «черный ворон»!
Будь проклят ты!
Сейчас ты – лишь бумаги ворох
Да безымянные кресты.

Да память горькая, да слезы,
Да имена друзей.
Проехали твои колеса
По сердцу Родины моей.

1962

Дочери

У нас одинаковые глаза,
Только твои синее.
У нас одинаковые глаза,
Только мои грустнее.
У нас одинаковые глаза.
И разные адреса.

И разные по утрам рассветы
В моем окне,
На твоём этаже.
И разные радости и секреты
В сердце твоём
И в моей душе.

Через беды,
Через разлуки
Провожает тебя мой страх.
Слышишь сердце?
Ты –
В этом стуке.
Видишь слёзы?
Ты –
В тех слезах.

И приходят ко мне твои письма,

Как в горло приходит ком...
Словно ты на руках у меня повисла,
Прибежав из разлуки в дом.
– Здравствуй! –
Строчки прыгают вверх и вниз.
– Здравствуй!

И продолжается жизнь...

1966

«Мне кажется, что всё ещё вернется...»

Мне кажется, что всё ещё вернется,
Хотя уже полжизни позади.
А память нет да нет и обернется,
Как будто знает в прошлое пути.

Мне кажется, что всё ещё вернется
И чуда я когда-нибудь дождусь...
Погибший брат на карточке смеется,
А брату я уже в отцы гожусь.

Мне кажется, что всё ещё вернется, —
Как снова быть июню, январю.
Смотрю в былое, как на дно колодца.
А может быть, в грядущее смотрю?

Мне кажется, что всё ещё вернется.
Что время — просто некая игра.
Оно числом заветным обернется,
И жизнь начнется заново с утра.

Но возвратиться прошлое не может.
Не потому ль мы так к нему добры?
И каждый день, что пережит иль прожит,

Уже навек выходит из игры.

1975

«Под Новый год, когда зажглась звезда...»

Под Новый год, когда зажглась звезда
На елке, что мы украшали вместе,
Я упросил отца купить дрозда,
Пусть до весны поет он в доме песни.

И в тот же день отец дрозда принес.
И стало как-то веселее в доме.
Как брали летом мы птенцов из гнезд,
Так взял дрозда я в теплые ладони.

И дрозд нам пел, как будто тоже знал,
Что он свободу обретет весною.
И только кот, настырный, как шакал,
Был недоволен – и дроздом, и мною.

Прошла зима... Последний спал мороз.
Настало время с птицей расставаться.
Я вынес клетку... И веселый дрозд
Вдруг почему-то начал волноваться.

В прихожей было, как всегда, темно.
Пылала печь и освещала своды.
И дрозд решил, что этот свет – окно,

И что за ним желанная свобода.
Влетел он в пламя, словно в небеса.
И я от ужаса и боли замер.
Отец ладонью мне утер глаза.
И молча бросил клетку в то же пламя.

1998

«Как все на свете мамы – перед сном...»

Как все на свете мамы – перед сном
Она мне пела простенькие песни.
И наполнялся музыкаю дом,
И папа замирал над книгой в кресле.

И, засыпая, я их обнимал...
Но оставаясь в материнской власти,
Наверно, я тогда не понимал,
Что с этих песен начиналось счастье.

Любили с ней мы посидеть впотьмах,
Когда она рассказывала сказки.
И столько было нежности в словах,
Что страхи все я слушал без опаски.

Прошли года... Теперь вот я сижу
У заболевшей мамы в изголовье.
И мелочами Бога не сержу.
Молю ей жизни и чуть-чуть здоровья.

Но Бог не услышал моих молитв.
Остались только траурные звуки.
И жизнь ее теперь во мне болит,

Та жизнь, что прожита была в разлуке.

1998

«Ничего не вернешь...»

Ничего не вернешь...
Даже малого слова.
Ни ошибок,
Ни радости,
Ни обид.
Только кто-то окликнет меня
Из бывшего —
И душа замирает,
И сердце болит.

Мы когда-то о жизни своей загадали,
Да сгорели ромашки на прошлой войне.
Не мелели бы души,
Как речки, с годами.
Я хотел бы остаться на той глубине.

Ничего не вернешь...
Оттого все дороже
Переменчивый мир.
И морозы, и зной.
Мы судьбою не схожи,
Да памятью схожи.
А поэтому вы погрузите со мной.

Памяти мамы

Повидаться лишний раз
Было некогда.
Я теперь спешить горазд,
Только некуда.

Было некогда, стало некуда.
Если можешь, то прости...
Все мы дети суеты,
Ее рекруты.

Прихожу в твой дом пустой.
Грустно в нем и тихо.
Ставлю рюмочки на стол
И кладу гвоздики.

Сколько праздников с тобой
Мы не встретили.
А теперь лишь я да боль.
Нету третьего.

Посижу и помяну
Одиноко.
Ты услышь мою вину,
Ради бога...

«Чужому успеху завидовать грех...»

«Чужому успеху завидовать грех...» –

Когда-то мне дед говорил.

Прекрасная песня –

Ведь это для всех.

Спасибо тому, кто ее подарил.

Чужая удача вам сил не придаст,

Коль зависть вам душу горчит.

И чей-то успех не обрадует вас.

Простите, скорее он вас огорчит.

Написан роман. Установлен рекорд.

Неважно, что автор не ты.

Над залом звучит гениальный аккорд.

Он ждет и твоей доброты.

1982

«— Ну что ты плачешь, медсестра?..»

Б. Н. Полевому

— Ну что ты плачешь, медсестра?

Уже пора забыть комбата...

— Не знаю...

Может, и пора. —

И улыбнулась виновато.

Среди веселья и печали

И этих праздничных огней

Сидят в кафе однополчане

В гостях у памяти своей.

Их стол стоит чуть-чуть в сторонке,

И, от всего отрешены,

Они поют в углу негромко

То, что певали в дни войны.

Потом встают, подняв стаканы,

И молча пьют за тех солдат,

Что на Руси

И в разных странах

Под обелисками лежат.

А рядом праздник отмечали

Их дети –
Внуки иль сыны,
Среди веселья и печали
Совсем не знавшие войны.
И кто-то молвил глуховато,
Как будто был в чем виноват:
– Вон там в углу сидят солдаты –
Давайте выпьем за солдат...

Все с мест мгновенно повскакали,
К столу затихшему пошли –
И о гвардейские стаканы
Звенела юность от души.

А после в круг входили парами.
Но, возымев над всеми власть,
Гостей поразбросала «барыня»,
И тут же пляска началась.

И медсестру какой-то парень
Вприсядку весело повел.
Он лихо по полу ударил,
И загудел в восторге пол.

Вот медсестра уже напротив
Выводит drobный перестук.
И, двадцать пять годочков сбросив,
Она рванулась в тесный круг.

Ей показалось на мгновение,
Что где-то виделись они:
То ль вместе шли из окруженья
В те злые памятные дни,

То ль, раненого, с поля боя
Его тащила на себе.
Но парень был моложе вдвое,
Пока чужой в ее судьбе.
Смешалось всё –
Улыбки, краски,
И молодость, и седина.
Нет ничего прекрасней пляски,
Когда от радости она.

Плясали бывшие солдаты,
Нежданно встретившись в пути
С солдатами семидесятых,
Еще мальчишками почти.

Плясали так они, как будто
Вот-вот закончилась война.
Как будто лишь одну минуту
Стоит над миром тишина.

Сыну

Я помню, как мне в детстве
Хотелось быть взрослей...
Сейчас – куда бы деться
От взрослости своей.

Не стоит торопиться
Да забегать вперед.
И что должно случиться,
Тому придет черед.

Придет пора влюбиться,
Пора – сойти с ума.
Вернулись с юга птицы,
А здесь еще зима.

Вернулись с юга птицы,
Да не спешит весна.
Не стоит торопиться,
Ведь жизнь у всех одна.

1985

«Идут дожди, идут дожди...»

Идут дожди, идут дожди
Который день подряд.
Не видно брода впереди.
И нет пути назад.

Кругом вода, вода, вода...
Вода со всей земли.
Все реки хлынули сюда.
И все моря пришли.

Дорогу к черту развезло.
И кажется впотьмах —
Навстречу нам плывет село,
Как пароход в огнях.

Нам до него чуть-чуть совсем.
Но, выбившись из сил,
Наш «газик» встал —
И глух, и нем.
И фары погасил.

А мы безжалостны к нему.
И вновь мотор дрожит.
И свет ощупывает тьму,
Вода с колес бежит.

Шофер кричит: «Давай еще!»
А я совсем промок.
И «газик», чувствуя плечо,
Вдруг делает рывок.

А ливень бьется о стекло.
И ночь – как чернозем.
А мы спешим... Мы в то село
Хороший фильм везем.

И, может быть, мы б не смогли
Осилить тех дорог...
Но мы «Чапаева» везли.
И мы добрались в срок.

1958

«Я разных людей встречал...»

Я разных людей встречал –
Лукавых, смешных и добрых.
Крутых, как девятый вал.
И вспыльчивых, словно порох.

Одни – как чужая речь.
Другие открыты настежь.
О, сколько же было встреч
И с бедами, и со счастьем.

То надолго, то на миг...
Все в сердце моем осталось.
Одни – это целый мир.
Иные – такая малость

Пусть встречи порой напасть.
Со всеми хочу встречаться:
Чтоб вдруг до одних не пасть
И до других подняться.

1960

«Трамвай через шумный город...»

Трамвай через шумный город
Вез свой обычный гам,
Дождя голубые шторы
Раздвинув по сторонам.

Луч солнца, блеснув из мрака,
На окнах его потух.
Бежала за ним собака
Во весь свой собачий дух.

На сутолочных остановках,
Передохнув чуток,
Карабкалась в дверь неловко,
Путалась между ног.

Но люди спешили мимо.
И трогался вновь трамвай.
И в окна тогда заливно
Стучался собачий лай.

А люди дивились в окна,
Жалели ее к тому ж.
Бежала она, измокнув,
По серому морю луж.
Бежала... А тут же рядом

Плыл человек у окна.
Усталая, влажным взглядом
Взглянула туда она.

Взглянула в крутой загрибок.
Плеча равнодушный край.
И кинулась торопливо
Вновь догонять трамвай.

1958

«Я хотел бы вернуться в юность...»

Я хотел бы вернуться в юность.
Не в журнал... А в те годы,
Где от бед спасал нас юмор,
Не утративший стыда.

Я хотел бы вернуться в юность,
В беззаботность и восторг,
Где не надо было думать,
Что годам отмерен срок.

И где все должно случиться –
В отчем доме иль вдали.
И где мамы, как тигрицы,
В нас наивность берегли.

Я б в азарт хотел вернуться.
В ту романтику дворов,
Где была лишь пара бутцев
На ораву мастеров.

Где девчонки на скамейках
Так болели за футбол,
Что попробуй не забей-ка!
Засмеет прекрасный пол.
Мне бы вновь вернуться в юность...

Впрочем, я не уходил,

Коль на небе та же лунность,
В майских грезах – тот же пыл.

Так же мальчики на поле
Мяч гоняют поутру...

Я включаюсь поневоле
В эту вечную игру.

2004

Жизнь моя – то долги, то потери...

*Жизнь моя – то долги, то потери...
Сколько я задолжал доброты
Тем, кто в дружбе мне искренне верил,
Наводил меж сердцами мосты.*

«Жизнь моя – то долги, то потери...»

Жизнь моя – то долги, то потери...
Сколько я задолжал доброты
Тем, кто в дружбе мне искренне верил,
Наводил меж сердцами мосты.

Задолжал я сыновнюю нежность
Землякам на тверском берегу.
Пусть услышат мою безутешность
Все, пред кем я остался в долгу.

Я остался в долгу перед мамой,
Ожидавшей меня из разлук...
Наши встречи – как телеграммы.
Суэта очертила свой круг.

Словно все мы расписаны свыше.
На счету каждый миг, каждый час.
Не успели войти – уже вышли...
Будто кто-то преследует нас.

Жизнь моя – то долги, то потери.
Близкий друг оборвал волшебство.
И оплакал неистовый Терек
Гениальные строки его.
Жизнь моя – то долги, то потери.

И теряются годы и дни.
Но душа – как заброшенный терем,
Где мы вновь остаемся одни.

Мне легко от таких одиночеств.
Мне светло от улыбки твоей.
Пусть судьба нам потерь не пророчит,
Чтоб долги возвратил я скорей.

2004

«Как важно вовремя успеть...»

Как важно вовремя успеть
Сказать кому-то слово доброе.
Чтоб от волненья сердце дрогнуло.
Ведь все порушить может смерть.

Но забываем мы подчас
Исполнить чью-то просьбу вовремя.
Не замечая, как обида кровная
Незримо отчуждает нас.

И запоздалая вина
Потом терзает наши души.
Всего-то надо – научиться слушать
Того, чья жизнь обнажена.

2001

«Не замечаем, как уходят годы...»

Не замечаем, как уходят годы.
Спохватимся, когда они пройдут.
И все свои ошибки и невзгоды
Выносим мы на запоздалый суд.

И говорим: «Когда б не то да это,
Иначе жизнь мы прожили б свою...»
Но призывает совесть нас к ответу
В начале жизни, а не на краю.

Живите так, как будто наступает
Тот самый главный, самый строгий суд.
Живите, – словно дарите на память
Вы жизнь свою
Тем,
Что потом придут.

1974

«Как руки у Вас красивы!..»

Как руки у Вас красивы!
Редкостной белизны.
С врагами они пугливы.
С друзьями они нежны.

Вы холите их любовно,
Меняете цвет ногтей.
А я почему-то вспомнил
Руки мамы моей.

Упрека я Вам не сделаю.
Вроде бы не ко дню.
Но руки те огрубелые
С Вашими не сравню.

Теперь они некрасивы
И, словно земля, темны.
Красу они всю России
Отдали в дни войны.

Все делали – не просили
Ни платы и ни наград.
Как руки у Вас красивы!
Как руки мамы дрожат...

1965

«Когда я возвращаюсь в Тверь...»

А. П. Белоусову

Когда я возвращаюсь в Тверь,
Где столько пережил и прожил,
Мне кажется – я открываю дверь,
Чтоб оказаться снова в прошлом.

Пройду по улице родной,
Где отчий дом давно разрушен.
И Волга чистою волной
Омоет память мне и душу.

И, наложив на грусть запрет,
С друзьями давними побуду,
И вдруг ступлю на старый след,
И возвращусь в былое чудо.

Когда я приезжаю в Тверь,
Душа моя восторгом полнится.
И всё – от дружбы до потерь –
Живет во мне, болит и помнится.

1998

Россия

Сергею Баруздину

Нас в детстве ветры по Земле носили.
Я слушал лес и обнимал траву,
Еще не зная, что зовут Россией
Тот синий мир, в котором я живу.

Россия начиналась у порога
И в сердце продолжается моим.
Она была и полем, и дорогой,
И радугой, склоненной над селом.

И быстрой речкой, что вдали бежала
И о которой думал я тогда,
Что тушит в небе зарево пожара
Ее неудержимая вода.

Рассветом в сердце пролилась Россия.
Не оттого ли и моя любовь
Так неразлучна с ливнями косыми,
С разливом трав и запахом хлебов?

И мне казалось – нету ей предела...
А по весне я видел наяву:
Под парусами наших яблонь белых

Россия уплывала в синеву.
Прошли года. Объездил я полсвета.
Бывал в краях и близких, и чужих,
Где о России знают по ракетам
Да по могилам сверстников моих.

И я поверил – нету ей предела!
И чья бы ни встречала нас страна –
Россия всюду, что ты с ней ни делай,
В сердцах людей раскинулась она.

1958

«Стихи читают молодые...»

Стихи читают молодые...

И в поездах, летящих в полночь,

И у костра – в заре и в дыме.

Стихи читают молодые,

Чтоб душу радостью наполнить.

И я боюсь, когда пишу.

Я на костры в ночи гляжу.

Слежу за теми поездами,

Что где-то спорят с темнотой.

И, как на первое свиданье,

Иду я к молодости той.

Несу всё лучшее на свете –

Тепло друзей, любовь и грусть.

И всё боюсь ее не встретить.

И встречи каждый раз боюсь.

1959

«Я живу открыто...»

Р. Щедрина

Я живу открыто,
Не хитрю с друзьями.
Для чужой обиды
Не бываю занят.

От чужого горя
В вежливость не прячусь.
С дураком не спорю,
В дураках не значусь.

В скольких бедах выжил,
В скольких дружбах умер!
От льстецов да выжиг
Охраняет юмор.

Против всех напастей
Есть одна защита:
Дом и душу настежь...
Я живу открыто.

В дружбе, в буднях быта
Завистью не болен.
Я живу открыто,

Как мишень на поле.

1982

«Отец, расскажи мне о прошлой войне...»

Отец, расскажи мне о прошлой войне.
Прости, что прошу тебя снова и снова.
Я знаю по ранней твоей седине,
Как юность твоя начиналась сурово.

Отец, расскажи мне о друге своем.
Мы с ним уже больше не встретимся в мае.
Я помню, как пели вы с другом вдвоем
Военные песни притихнувшей маме.

Отец, я их знаю давно наизусть,
Те песни, что стали твоею судьбою.
И, если тебе в подголоски гожусь,
Давай мы споем эти песни с тобою.

Отец, раздели со мной память и грусть,
Как тихие радости с нами ты делишь.
Позволь, в День Победы я рядом пройдуся,
Когда ордена ты, волнуясь, наденешь.

«Не могу уйти из прошлого...»

Не могу уйти из прошлого,
Разорвать живую нить...
Все, что было там хорошего,
Мне б хотелось повторить:

Возвратить отца бы с матерью,
Вместе с молодостью их,
В дом,
Где стол с крахмальной скатертью
Собирал друзей моих.

И вернуть бы из трагедии
Сына в радостные дни,
Где мы с ним футболом бредили,
Жгли бенгальские огни.

Где дожди сменяли радуги
И года сквозь нас неслись.
Где на счастье звёзды падали...
Да приметы не сбылись.

Из биографии

В тот день меня в партию приняли.
В тот день исключали из партии
Любимца студенческой братии
Профессора Гринера.

Старик был нашим учителем.
Неуживчивым и сердитым.
Он сидел и молчал мучительно,
Уже равнодушный ко всем обидам.

Его обвиняли в таких грехах!
А мне все казалось, что это – травля.
И сердце твердило: «Неправда! Неправда!»
– А может быть, правда? –
Спрашивал страх.

Страх... И я поднял руку «ЗА».
За исключение. И, холодея,
Вдруг я увидел его глаза,
Как, наверно, Брюллов
Увидал Помпею.

Вовек не забуду я те глаза.
Вовек не прощу себе подлое «ЗА».
Мне было тогда девятнадцать лет.

Мне рано выдали партбилет.

1970

Несказанные слова

Матери,
Мы к вам несправедливы.
Нам бы вашей нежности запас.
В редкие душевные приливы
Мы поспешно вспоминаем вас.
И однажды все-таки приедем.
Посидим за праздничным столом.
Долго будут матери соседям
О сынах рассказывать потом.

А сыны
В делах больших и малых
Вновь забудут матерей своих.
И слова, не сказанные мамам,
Вспоминают на могилах их.

1969

«Я одинокий волк...»

Я одинокий волк...

Я не хочу быть в стае.

Пожар в крови уже заметно стих.

И одинокий след мой

По весне растает,

Как тает сила в мускулах моих.

Мне в одиночку выжить не удастся.

Крутую зиму мне не одолеть.

Но, чтобы волком до конца остаться,

В отчаянном броске

Хочу я встретить смерть.

В последний раз вкушу азарт погони,

Пройду по краю на семи ветрах.

Я старый волк.

Но я пока в законе,

И мой оскал еще внушает страх.

1993

«Мне всегда бывает грустно...»

Мне всегда бывает грустно
Обмануться в тех, кто мил.
И жалеть, что рано чувства
Перед ними обнажил.

Но уж так пошло издревле –
Человек то раб, то князь.
И ответом на доверье
Может вспыхнуть неприязнь.

От похвал или оваций,
От удач, идущих вверх,
Кто-то в зависть мог сорваться,
Ибо свет его померк.

Это все смешно и грустно,
Потому что суета.
Я доплыл уже до русла,
Где покой и красота.

Где все страхи беспричинны
Перед вечностью творца,
И где годы – как песчинки
Иль цветочная пыльца.
Но подводит нас натура,

Человеческая суть –
Мы живем с упорством тура
Хоть кого-то, но боднуть.

2003

«Как-то мне приснился серый сокол...»

Как-то мне приснился серый сокол,
Сбитый на лету моей стрелой.
И во сне мне стало одиноко,
Горько стало от вины былой.

Этот грех со мной случился в детстве.
Брат мне подарил волшебный лук.
И оружие возымело действие –
В девять лет я стал убийцей вдруг.

Птицу схоронили мы в овраге.
И с тех пор мне этот спорт не мил.
То ли дело – окуни да раки.
Сколько я за жизнь их наловил!

И когда я вижу на экране,
Как стреляют птиц или зверей,
Всякий раз я тем убийством ранен,
Будто в этом знак вины моей.

«Дарю свои книги знакомым...»

Дарю свои книги знакомым –
Властителям судеб и снобам,
Которым всегда не до книг.
Поэтому черт с ней, с обидой,
Когда, полистав их для вида,
Они забывают о них.

Забросят на книжную полку,
Как в стог золотую иголку,
Где имя окутает тьма.
А я буду думать при этом,
Что стал их любимым поэтом,
Поскольку наивен весьма.

Когда же мы встретимся снова,
Сыграю уставшего сноба,
И тем их сразу наповал.
Но книг раздавать я не буду.
Плесну коньяку им в посуду,
Не слушая шумных похвал.

2003

«Какая поздняя весна!...»

Какая поздняя весна!
Опять за окнами бело.
А ты со мною холодна,
Как будто душу замело.
И я не знаю – чья вина.
И я не знаю – чья вина.
Всё перепуталось вокруг.
В календаре давно весна,
А за окном бело от вьюг.

А за окном бело от вьюг.
И ты прости меня, мой друг,
За эту хмарь, за этот дождь,
За эту белую метель,
За то, что наш с тобой апрель
На осень позднюю похож.

Мы непогоду переждем.
Еще иные дни придут,
Порядок в небе наведут.
Мы пробежимся под дождем,
И смоем он печаль с души.
Растопит солнце
В сердце лед.
Ты огорчаться не спеши, –

Весна в пути,
Она придет.

Какая поздняя весна!..
Как велика ее вина!

1980

Счастливчик

Я выиграть надеюсь
Престижный миллион,
Чтоб у дверей халдеи
Мне стали бить поклон.

Чтоб все меня любили
За то, что я богат.
И в гости приходили,
Как танки на парад.

Чтобы по всей округе
Гремело имя рек.
Чтоб брал я на поруки
Голодных и калек.

Чтоб важное начальство
Ждало моих звонков.
И на экране часто
Теснил я м-ков.

А, впрочем, нет резона
Мне думать про барыш.
Я жил без миллиона,
Без килеров и крыш.
И он все эти годы

Жил тоже без меня.
И ухожу я гордо,
Монетами звеня.

2003

Люблю

Спускалась женщина к реке,
Красива и рыжеголова.
Я для нее одно лишь слово
Писал на выжженном песке.

Она его читала вслух.
«И я люблю...» —
Мне говорила.
И повторяла:
«Милый, милый...» —
Так,
Что захватывало дух.

Мы с ней сидели на песке,
И солнце грело наши спины.
Шумели сосны-исполины,
Грачи кричали вдалеке.

Я в честь ее стихи слагал,
Переплывал быстрину нашу,
Чтобы собрать букет ромашек
И положить к ее ногам.

Она смеялась и гадала,
И лепестки с цветов рвала.

То ль клятв моих ей не хватало,
То ль суеверною была.

С тех пор прошло немало лет.
Глаза закрою – вижу снова,
Как я пишу одно лишь слово,
Которому забвенья нет.

1976

«Мне приснился Президент...»

Мне приснился Президент.
Мы сидели рядом.
Я использовал момент –
Попросил награду.

Как-никак, а юбилей.
Сколько лет скопилось.
Президент сказал: «О'кэй!
Окажу вам милость». –

И, добавив – «Будет так!», –
Мило улыбнулся.
Ну, а я такой м-к, –
Взял, да и проснулся.

Тишина

Я стал бояться тишины...
Когда иду я улицей ночной,
Мне кажется – я слышу чьи-то сны.
И тишина смыкается за мной.

Всё безмятежно, всё в плену покоя.
Вокруг меня – ни одного лица.
Я в тишину вхожу, как входят в горе,
Когда ему ни края, ни конца.

Когда оно вот так неотвратимо,
Как эта притаившаяся тишь.
И улица – как старая картина,
Где ничего почти не различишь.

Но я ее намеренно бужу,
Стучусь в асфальт я злыми каблуками.
Уснувшему беспечно этажу
Кидаю в стену крик свой,
Словно камень.

Чтоб кто-нибудь бы вышел на порог
Или хотя бы выругался, что ли...
Я в той ночи, как будто в чистом поле,
Где голос мой и страх мой одинок.

«Поэта решили сделать начальством...»

Поэта решили сделать начальством.
А он считает это несчастьем...

И происходят странные превращения:
Те, кто при встречах кивал едва,
Теперь, как пальто, подают слова.
Здороваются, словно просят прощенья.

Поэт не привык
К этим льстивым поклонам.
К фальшивым взглядам полулюбленным.
Он остается во всем поэтом.
И еще чудачком при этом.
Прежним товарищем для друзей.
Чернорабочим для Музы своей.

И добрая слава о нем в народе...
А он продолжает свое твердить:
«Должности приходят и уходят.
Поэзии некуда уходить».

«Хороших людей много меньше...»

Павлу Бородину

Хороших людей много меньше,
Как мало талантливых книг.
И лучшие люди – средь женщин.
И худшие – тоже средь них.

Хороших людей слишком мало,
Чтоб жизнь наша стала добрей,
Чтоб каждая русская мама
Спокойно была за детей.

Но как бы нас жизнь ни ломала,
В ней некое есть волшебство...
Хороший людей слишком мало.
И все-таки их большинство.

1999

Раздумье

Я подумал:

«Мне тридцать пять».

И, ей-богу, мне стало страшно.

Жизнь бы заново всю начать,

Возвратиться бы в день вчерашний.

Много там у меня долгов —

Неоконченных дел и песен.

Был я празден и бестолков,

Слишком в юности куролесил.

Я в те годы не мог понять,

Как ответственна в жизни юность.

И приходится в тридцать пять

За нее вершить

И думать.

1963

«Платон придумал Атлантиду...»

Алексею Абакумову

Платон придумал Атлантиду
И сам поверил в этот миф.
Хоть остров тот никто не видел,
Но знали все, что он красив.

Что все в нем было идеально –
Природа, власти и народ.
Что под волной мемориальной
Он спасся от земных невзгод.

Мы все немного Атлантиды,
Когда уходим от друзей:
Все радости и все обиды
Таим на дне души своей.

2004

«Везли по улицам Москвы...»

Везли по улицам Москвы
Прах Неизвестного Солдата.
Глазами скорби и любви
Смотрели вслед мы виновато.
И в те минуты вся страна
Прильнула горестно к экранам.
И ворвалась в сердца война –
И к молодым, и к ветеранам.
Ко дням потерь и дням разлук
Нас память снова уносила.
И рядом с дедом плакал внук,
Еще всего понять не в силах.

1980

«После всех неистовых оваций...»

Николаю Баскову

После всех неистовых оваций,
После всех триумфов и побед
Ты сумел самым собой остаться,
Соловьем, встречающим рассвет.

Слушаю я в горькую минуту
Голос твой, спасающий от бед.
И душа одолевает смуту –
Это ты ей посылаешь свет.

Милый Ленский, дорогой Карузо,
Не сердись на зависть мелких банд.
Слава тоже может быть обузой,
Но превыше славы – твой талант.

Будь Послом Объединенных Наций,
Чтоб искусством мир объединить.
Музыке хочу в любви признаться.
Нам с тобой еще всю жизнь дружить.

И хотя полвека между нами,
Юн талант и Муза молода,
Я опять перед экраном замер...

Коля Басков...

Коля, будь всегда!

2003

Родной язык

Хочу домой...
Хотя в России худо,
Что ныне не скрывает даже ТАСС.
Зато там есть немыслимое чудо, –
Родной язык, –
Который не предаст.

И так надежно искреннее слово,
Когда в душе не остается сил...
Родной язык – как оголенный провод,
Что нас с тобой навек соединил.

И этот свет, что согревает сердце,
Немыслим без мелодий языка.
Не потому ли не боюсь я смерти,
Что зазвучит в тебе моя строка.

1998. Иерусалим

«Поменяв российский беспредел...»

Павлу Гусеву

Поменяв российский беспредел
На хороший климат и провизию,
Улетаю из Москвы в провинцию,
Чтобы оказаться не у дел.

Не у дел моих старинных дружб,
Без которых жизнь так одинока.
Ты всю эту музыку нарушь
С незаметной хитростью Востока.

И, когда я по стране несусь
На своем выдавшем виды «форде», –
На моей выдавшей виды морде
Лишь одно отчаянье и грусть.

2000

Не смейте забывать учителей

Не смейте забывать учителей.
Они о нас тревожатся и помнят.
И в тишине задумавшихся комнат
Ждут наших возвращений и вестей.

Им не хватает этих встреч нечастых.
И сколько бы ни миновало лет,
Слагается учительское счастье
Из наших ученических побед.

А мы порой так равнодушны к ним:
Под Новый год не шлем им поздравлений.
И в суете иль попросту из лени
Не пишем, не заходим, не звоним.

Они нас ждут. Они следят за нами.
И радуются всякий раз за тех,
Кто снова где-то выдержал экзамен
На мужество, на честность, на успех.

Не смейте забывать учителей.
Пусть будет жизнь достойна их усилий.
Учителями славится Россия.
Ученики приносят славу ей.

Не смейте забывать учителей.

1966

Прощеное воскресенье

Прощаю всех, кого простить нельзя.
Кто клеветой мостил мои дороги.
Господь учил: «Не будьте к ближним строги.
Вас все равно всех помирят земля».

Прощаю тех, кто добрые слова
Мне говорил, не веря в них нисколько.
И все-таки, как ни было мне горько,
Доверчивость моя была права.

Прощаю всех я, кто желал мне зла.
Но мстью душу я свою не тешил.
Поскольку в битвах тоже не безгрешен.
Кого-то и моя нашла стрела.

1992

Характер

У мужчины должен быть характер.
Лучше, если тихий,
Словно кратер,
Под которым буря и огонь.

У мужчины должен быть характер,
Добрый взгляд
И крепкая ладонь.
Чтобы пламя сердце не сожгло,
Можно душу отвести на людях,
Лишь бы в сердце не копилось зло.

У мужчины должен быть характер.
Если есть –
Считай, что повезло.

1980

«Жизнь во власти пяти планет...»

Жизнь во власти пяти планет...

«Редкий случай, – сказал астролог. –

И пока не погас их свет,

Будешь ты и любим, и молод».

Я во власти пяти планет,

Заблудившийся в годах дервиш.

Может, в них-то и весь секрет,

Что меня ты так долго терпишь.

На какой из пяти планет

Наша боль и ушедшие близкие?

Мы уйдем... Еще много лет

Свет одной будет нас разыскивать.

1998

«Держава застолий...»

Тамаре Гвердцители

Держава застолий
Ночами мне снится.
Скучаю по Грузии –
По загранице.

По мудрым поэтам,
Безвизовым встречам,
По шуму воды
Темпераментных речек.

По старым друзьям,
Не сменившим пристрастий.
По тем временам,
Где делились мы счастьем.

И я не предам
Эту память вовеки.
Как русло не предали
Горные реки.

Меж нами граница.
И взгляд Шеварднадзе...

А, может быть, все
Возвратится однажды.
И дружба былая,
И давние песни.
Те самые песни,
Что пели мы вместе.

На двух языках
При одном вдохновенье...
И было прекрасно
То тихое пенье.

Мы сядем бок о бок,
Нальем «Мукузани».
И ночь будет длинная,
Словно сказанье.

И нас побратает
Серебряный кубок.
В России светает.
В горах еще сумрак.

Декабрь 2003

«В ясную погоду «Юности» моей...»

В ясную погоду
«Юности» моей
Был я всем в угодую,
Стольких знал друзей.

За крамолу битый,
Возглавлял журнал.
Даже сам А. Битов
Как-то повесть дал.

Часто Вознесенский
Снисходил до нас.
Наш тираж вселенский
Был ему как раз.

И, поправив гранку,
Искромсав листы,
Уезжал в загранку
Гений суеты.

Имена, фамилии,
Блеск и мишура...
Что-то все забыли,
Как жилось вчера.

Вспоминаю с грустью
Сгинувших друзей.
Хор былых напутствий,
Их крутой елей.

1994

«Учителей своих не позабуду...»

Учителей своих не позабуду.
Учителям своим не изменю.
Они меня напутствуют оттуда,
Где нету смены вечера и дню.

Я знаю их по книгам да портретам,
Ушедших до меня за много лет.
И на Земле, их пламенем согретой,
Я светом тем обласкан и согрет.

Звучат во мне бессмертные страницы,
Когда мы об искусстве говорим.
Всё в этом мире может повториться,
И лишь талант вовек неповторим.

К учителям я обращаюсь снова,
Как к Солнцу обращается Земля.
И все надеюсь: вдруг родится слово
И улыбнутся мне учителя.

1978

«Это правда...»

Это правда:

Чтобы долго жить,

Надо чаще видиться с друзьями.

Я все продолжаю мельтешить

Встречами, поступками, стихами.

Но однажды брошу все дела,

Сяду в самолет Аэрофлота...

Друг не ждал.

Душа его ждала,

Веря в неожиданность полета.

Так же побросав свои дела,

Соберутся милые мне люди.

Около веселого стола

Мы о дружбе говорить не будем.

Только память станет ворошить

Те слова, когда вернусь до дому.

Не затем,

Чтоб после долго жить.

Просто жить не стоит по-иному.

«Живу не так, как бы хотелось...»

Живу не так, как бы хотелось.
Заели суета и быт.
И осторожность, а не смелость
Порою мной руководит.

Живу не так, как мне мечталось,
Когда я пылок был и юн.
И только музыка осталась
От тех, не знавших фальши, струн.

Живу не так, как нас учили
Ушедшие учителя,
Когда судьбу Земли вручили,
О чем не ведала Земля.

Живу не так... но, слава богу,
Я различаю свет и мрак.
И не судите слишком строго
Вы все, живущие не так.

1978

«Пока я всем «услуживал»...»

Пока я всем «услуживал» –
Шедевры перечитывал
И ставил в номер «Юности»
И прозу, и стихи,
Я был угоден битовым,
И жил в тусовке дружеской
Средь мудрости и глупости,
Как Ванька от сохи.

И время это долгое
Во мне печалью корчилось,
Неслось сквозь чьи-то бедствия,
Цензурные бои.
А время было дорого.
Я крал его у творчества,
Чужие строки пестовал
И забывал свои.

А годы шли и множились.
И от журнала юного
Я ринулся в грядущее
И наверстал его.
И в эти дни погожие
Друзей как ветром сдунуло.
И было в том признание

Успеха моего.

2003

«Я во сне не летаю...»

Я во сне не летаю,
А падаю вниз.
Для полетов, как видно,
Года мои вышли.
Вот гора надо мной,
Словно черный карниз
У покато́й,
Окрашенной в синее крыши.

Я боюсь высоты.
Наяву. И во сне.
И когда я лечу
В бесконечную пропасть,
Обрывается сон.
И приходит ко мне
Ожидание чуда
И смутная робость.

Начинается день.
Забывается сон.
Но лишь встречу тебя –
Та же на сердце робость.
Улыбаешься ты.
Я как будто спасен,
Хоть опять я лечу

В бесконечную пропасть.

1975

«Сколько спотыкался я и падал...»

Ане

Сколько спотыкался я и падал,
Только чтоб не разминуться нам!
И пока мы вместе,
И пока ты рядом –
Наша жизнь угодна Небесам.

И за этот долгий путь к надежде
Бог вознаградил мои труды:
Старые друзья верны, как прежде.
И враги слабеют от вражды.

Я не Нострадамус и не Мессинг.
Мне не предсказать своей судьбы.
Знаю лишь одно: пока мы вместе,
Будет так, как загадали мы.
Сколько б годы нам ни слали на дом
Горестей, испытывая нас,
Верую лишь в то – пока ты рядом,
Нам судьба за все добром воздаст.

Я не знаю, мало или много
Впереди у нас счастливых лет.
Но пока мы вместе – не предаст дорога,

Не устанет сердце, не сгорит рассвет.

2001

Вся грусть земли поручена стихам...

*Вся грусть земли поручена стихам.
И потому строка моя печальна,
Когда посвящена родным холмам
Или глазам твоим исповедальным.*

**«Вся грусть земли
поручена стихам...»**

Вся грусть земли поручена стихам.

И потому строка моя печальна,
Когда посвящена родным холмам
Или глазам твоим исповедальным.

Вся грусть земли поручена стихам.
И это поручение от Бога
Исполнит бесконечная дорога,
Которой мы восходим в Божий храм.

Нас много – поручителей Его.
И потому не оборвется слово,
В котором грусть обрящет торжество,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.